

К. Полянский

МАТЕРИАЛЫ ПО ПОЛАБСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

1. *kröpət*

Запись Хеннига Кгимрат 'Pechdraht' Рост считает формой, сводимой к первоначальному *kropad*, и связывает ее со славянским *kropъ*¹. Что касается структуры слова, то он связывает ее с русским *пестря́дь* || *пестре́дь* 'цветное полотно'. После Роста эту этимологию повторяет Бернекер².

Этимология Роста малоправдоподобна. Она не убедительна ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения формы. Славянский корень **krop-* связан со стороны значения скорее всего с 'уменьшать, уменьшенный, малый', а не с 'дратва, делать дратву, связывать'. Полабская запись Кгимрат не может также фонетически соответствовать русским формам типа *пестря́дь* или *пестре́дь*; она должна была бы тогда иметь вид Кгимр*iat*, Кгимр*iant* или Кгимр*it*, в зависимости от того, представляет ли она формы, оканчивающиеся суффиксом, продолжающим первоначальные *-*jadь*, *-*çdь* или *-*edь*.

Запись Хеннига Кгимрат скорее следует считать глагольной формой, именно инфинитивом, и реконструировать *kröpət* 'спивать дратвой, связывать дратвой'. Реконструированное таким образом полаб. *kröpət* я считаю заимствованием из нижненемецкого, ср. прусск.-нем. *krumpen* 'krümpen, zusammenziehen, einschrumpfen machen, einschrumpfen', *krampen* 'mit Krampen verschließen und dann zukrampen'.

Подобным заимствованием из немецкого является также польск. *krępować* 'крепко связывать'. Полабскую форму можно принять чуть ли не за точный эквивалент польского глагола, потому что в полабском языке глаголы на *-*ovati* были вытеснены формами на *-*ati*³.

¹ P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen, Leipzig, 1907, стр. 142, примеч. 7.

² Berneker, стр. 626.

³ Cp.: Fr. Lohentz. Die *ova*-Verba im Slovinzischen. — KZ XXXVII, стр. 331—334.

В полабских памятниках часто можно встретиться с примерами подачи значений неточным образом, ср., например, у Хеннига *Stacia eyd edel* (чит. *stažə aɪdə del* \leqslant **stъža idetъ, del* из немецкого) 'Abweg', *Store Reigeria* (чит. *storę rai̯geřə*, причем *storę* \leqslant **starъjь*, а *rai̯geřə* — это 3-е лицо ед. числа наст. времени на -ə \leqslant *-ajetъ, образованное от заимствованного из немецкого языка глагола *rai̯geřət* 'управлять, править') 'Ein alter Hausswirth' и т. п.⁴

2. *mǖtaistü*

Запись Хеннига *Mimeistia* 'Corall' iH (в редакции В—*Mimeistia*, в редакции В₁—*Mimēistyga*) Рост интерпретировал в словнике своего издания полабских памятников⁵ двояко: как род. падеж ед. числа *mǖötéist'a* или как деминутив *mǖötéistikö*.

Т. Лер-Славинский в своей «Полабской грамматике» (Львов, 1929, стр. 100, 143, 159) записи Хеннига транскрибирует как *mǖtaist'ə* и высказывает за второй вариант интерпретации Роста, т. е. полабскую форму выводит из первоначального **tomistъko*.

Обе вышеназванные интерпретации представляют значительные трудности. Полабский суффикс, продолжающий первоначальное *-ko, выступает в полабском или в форме с несокращенным вокализмом — *t'ǖ* (чаще, ср., например, *bǖzött'ǖ* \leqslant **božetъko*, *jopt'ǖ* \leqslant **jablъko*), или с сокращенным вокализмом — *t'ë* (ср., например, *nobortt'ë* \leqslant **nabýdъko*).

Записи Хеннига *Mimeistia*, *Mimeistia* или *Mimēistyga* нельзя возвести ни к форме с суффиксом с полным гласным, ни к форме с суффиксом с краткостью гласного. В первом случае полабское слово должно было бы оканчиваться на -ǖ, которое в полабских памятниках передается через ü, i, y, ī, ÿ и т. п., но никогда как a. Во втором случае слово оканчивалось бы на -ë, которое Хенниг записал бы, вероятно, с помощью буквы e (ср. его запись для цитированного выше *nob'ortt'e*: *Nobiortge* 'Weber-Lade').

Т. Лер-Славинский в своей «Полабской грамматике» утверждает, что все праславянские гласные, за исключением носовых, в открытых слогах (а может быть, и в конце слова) в полабском языке в слабой позиции дают -ə, и поэтому он мог записи Хеннига транскрибировать как *mǖtaist'ə*, выводя из первоначального **tomistъko*. Как показал Н. Трубецкой в своей работе «*Polabische Studien*» (Wien und Leipzig, 1929, стр. 11—40),

⁴ Ср. также: K. Polański. *Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku polabskim* (Komitet Językoznawczy PAN, Prace Językoznawcze, 32). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 30—31, 79—80.

⁵ P. Rost. Указ. соч., стр. 403.

в полабском языке существовала оппозиция двух редуцированных гласных (высшая ё и низшая ə, в транскрипции Трубецкого Ѱ и Ѹ), в равной мере как в открытых слогах, так и в конце слова. Первая, т. е. высшая ступень, записывалась в полабских памятниках через *e*, вторая — через *a*. Первая развилась из первоначальных *i*, *u*, *y*, *e*, *o*, вторая — из первоначальных *a*, ё, ə, ь и некоторых стяжений. В этой ситуации следует искать иное объяснение для записей Хеннига. В таком случае думается, что эти записи представляют не одно слово, а выражение *tÿ-maſtÿ ja*, причем *ja* 'есть' выступает здесь в роли, обычной для *jq* 'есть'. Из полабских памятников можно привести несколько примеров записи полабского слова вместе с *ja*, *jq* 'есть', ср., например, у Пфеффингера *Pǖl maſſlan 'Jusqu'oú'* (чит. *pȫl maile jq = pol mili jestъ*, причем *mil* — заимствование из немецкого), *Okéidia 'Un crochet'* (чит. *ot'ai tÿ ja = ... to jestъ*, *ot'ai* — заимствование из немецкого) и т. п.

3. *rökənvaſčę*

В работе Хеннига встречаем формы, зафиксированные в виде *Punkaw eitza 'Uncke'* (в редакции *B₁* — *Punkawéitza*). Записанную таким образом форму фонетически реконструировать нетрудно: *rökənvaſčę*.

Возникает вопрос, какова этимология этого полабского слова.

С точки зрения словообразования выделяется в слове прежде всего сложный суффикс *-av-aicə* \leqslant **-av-ica*. Что касается корня, то в нем следует видеть звукоподражательный элемент *rök-*, воспроизводящий звук, производимый некоторыми видами жаб. Подобные звукоподражательные корни встречаются и в других языках для названия жаб или звуков, издаваемых ими, ср. в.-луж. *kunkač* 'издавать звук (о жабах)', *kunkawa* 'жаба', польск. *kutkač* 'издавать звук (о жабах)', *kutka*, *kutak* 'жаба с коричнево-серой спиной и оранжевым или желтым брюхом; живет в стоячих водах; самец издает характерный громкий звук'; чеш. *kuňkati* или *kunkati* 'издавать звук (о жабах)', *kuňka* 'жаба' и т. п.

Производящей основой для полабского существительного *rökənvaſčę* был, вероятнее всего, незасвидетельствованный глагол **rökət* (ср. аналогичное с точки зрения словообразования полаб. *blinskənvaſčę* 'качели' от *blinskət* 'качать'). Структурно ближайшим соответствием полабскому слову служит в.-луж. *kunkawa* 'жаба' от *kunkač*.

4. Запись Хеннига *Rise 'Uneinig'*

Т. Лер-Славинский в «Полабской грамматике» (стр. 68) интерпретирует запись Хеннига *Rise 'Uneinig'* (в редакции *B₁* — *Rýse*) как искажение полабского слова *rüznę* \leqslant **oržvnpjy* 'разный'.

Думается, что вышеназванную запись скорее следует связать с существующей в другом месте у Хеннига формой Rese 'Von einander' (в редакции B₁ — Rēse). Обе записи не представляют собой ни одного самостоятельного полабского слова, но были, правдоподобнее всего, искусственно созданы самим Хеннигом в ходе упорядочения словарного материала, который он собрал, высматривая информатора по-немецки о разных полабских словах и выражениях. Случалось, что Хенниг, сравнивая собранный материал с немецкими соответствиями, искусственно создавал несуществующие полабские слова, т. е. вырывал отрезки из целого, составлявшего неразрывное единство какой-либо формы. Этому нельзя удивляться, если принять во внимание, что он не знал языка, остатки которого записывал. В качестве примера можно привести здесь запись Хеннига гιнтгай 'Schalen', описанную вырванное им из большой записи Sobatgintgey 'Muschel, Frosch-Schalen'. Когда Хенниг сравнил Sobatgintgey с нем. *Frosch-Schalen* и, кроме того, в своем полабском материале нашел слово Sobo 'Frosch', то он решил, что будто бы Sobatgintgey, само собой разумеется, делится на Soba и (t)gintgey. Таким образом, в его записках находится совершенно не существующее в полабском языке слово гιнтгай 'Schalen'. Подобным же образом из форм Wislikaleissa, krigaleissa (чит. vězlikəlaɪsə, krigəlaɪsə) 'sich untereinander vergleichen, sich bekriegen' он создал искусственно слово Leissa 'unter sich, unter-einander'.

Сопоставляя такие полабские формы, как Rispadéna 'von einander fallen', Risplasteite 'Schlagt voneinander', risíne 'voneinander treiben', Resekenona 'voneinander getrieben' (чит. последовательно rüspadenə ≤ *orz̥padenaja, rüspłastait̥e ≤ ≤ *orz̥plasčite, rüzzinē ≤ *orz̥ženet̥, rüzgnona ≤ *orz̥gnanoje) и т. п., с их немецкими соответствиями, Хенниг правильно заключал, что немецким *voneinander* соответствует в них rise, rese (т. е. rüz- ≤ *orz-). Однако он не отдавал себе отчета в том, что полаб. rüz- есть только префикс и от нем. *voneinander* отличается, между прочим, тем, что не может выступать в качестве самостоятельной лексической единицы.